

Экзамены тянулись всю неделю, начиная с понедельника. Сегодня должны были объявить результаты.

В нашем классе всем вернули наши листы с ответами и отмеченными ошибками. И когда всё закончилось, Юигахама прибежала похвастаться.

— Хикки! У меня оценка по истории Японии поднялась! Совместная учёба — это здорово! — Она радостно тараторила, а я каждый раз отвечал кратко и холодно.

— Рад за тебя.

— Ага! Это всё благодаря Юкинон... ой, и тебе тоже, Хикки.

Что бы она ни говорила, я ничего такого не делал.

Если будешь больше заниматься, оценки улучшатся. Точка. За её похвалой ничего не стоит. Я имею в виду, что Юигахама заработала свои баллы собственной упорной работой.

Что касается моих результатов, я, как обычно, отстоял своё третье место по японскому. А по математике набрал девять баллов из сотни. Стоп, опять дифференциальные уравнения? Я могу предположить, что означают эти слова, но для способа мышления среднеклассника это слишком.

Да, и сегодня день не только объявления результатов. Сегодня ещё и мероприятие, которое так долго довлело над нами — экскурсия по рабочим местам. Всех отправили по их собственному выбору.

Мы вышли на станции Кайхин-Макухари. Здесь полно офисов и на удивление много штаб-квартир. Понятно, что здесь творится в иной день, это настоящий улей. Макухари называют сердцем города не за красивые глаза. Можно сказать даже, что это столица Чибы наших дней.

В нашу группу входили Тоцука, Хаяма и я.

Точнее, так должно было быть.

Но на самом деле все как обычно сгрудились вокруг Хаямы. Он что, покойник? Ну, собственно говоря, я никогда и не собирался идти с ним. Я думал, что из этого может получиться замечательное свидание с Тоцукой — мы вдвоём, только он и я. Но оглядевшись в его поисках, я обнаружил, что он окружён целой стайей девчонок. Тоцука выглядел таким смятённым и ошарашенным, что не знай вы его хорошо, могли бы подумать, что над ним издеваются.

Вокруг Хаямы крутились три парня, которые по идее составляли другую группу. Там же была и

Миура с компанией, там я увидел и фигуру Юигахамы. Попытался посчитать всех — похоже, там было групп пять.

Быть в компании с остальными и правда не самая сильная моя сторона. В те редкие праздники, когда я выходил на улицу, толпа народу вокруг всегда вызывала у меня сильнейшее желание немедленно уползти домой. Так что, естественно, я и сейчас от всех отстал. Разве я не великолепен, сам заняв позицию полководца? Будь я командующим в эпоху войн, всенепререннейше заслужил бы медаль.

Наша группа выбрала (я имею в виду, Хаяма выбрал) неизвестного мне производителя каких-то электронных устройств. И это место служило не просто офисным зданием и научно-исследовательским институтом, оно ещё было связано с музеем поблизости. Здесь было множество интерактивных штучек, экраны на каждом квадратном сантиметре музея и так далее.

Если Хаяма выбрал это место, даже не зная, насколько оно хорошо, значит, у него есть хорошая черта — великолепное шестое чувство. И ещё, если он выбрал его, заранее зная, какая толпа здесь соберётся, то его уровень внимания к нуждам окружающих просто зашкаливает.

А самым интересным местом здесь были сборочные автоматы. Даже для одиночек вроде меня.

Я вжался лицом в стекло, восторженно взирая на жужжащие машины как ребёнок на новую игрушку. Даже просто посмотреть на них уже приводило меня в экстаз. «Мы не машины», кричат рабочие, протестуя против строгого контроля или тяжёлого труда, и это так и есть. Мы не машины. И потому порой люди теребят механизмы, не понимая, как с ними обращаться. Будь это мини-автомобиль, я бы разузнал в Tamiya Corporation. [□] Японский производитель пластиковых моделей машин и инструментов

Строго говоря, и у машин есть лишние детали. Обычно, как говорится, «шутки ради». Отсюда и лишние части велосипедной цепи, и лишние шестерни. Можно, пожалуй, сказать, что механическое тело, которое не напрягается, будет иметь более длинный срок службы. Как сказал сегодня один из рабочих, и людям, и машинам нужны свои забавы.

Ну, вряд ли кто-нибудь пригласит меня позабавиться...

Отойдя подальше, я обозрел группу машин. Впереди парни и девушки весело болтали друг с другом. Я оглянулся, но позади не было никого. Лишь болезненная, оглушающая тишина.

Но эта гробовая тишина вскоре была нарушена цоканьем каблучков по полу.

— Хикигая. Так ты всю дорогу здесь, а?

Хирацука сегодня была без своего обычного белого плаща. Иначе её всё время принимали бы за одного из рабочих.

— Осматриваетесь?

— Да, что-то вроде, — ответила она, хотя её взгляд не отрывался от замечательных машин. Она даже на учеников не смотрела. — Хех... Японская техника великолепна. — Она помолчала. — Не удивлюсь, если ещё при моей жизни они создадут Гандам.

У неё и правда мозги пацана. Она сверкающими глазами пялилась на эти стальные тела. Нет, продолжайте, пожалуйста.

Я подумал, что это замечательный момент, чтобы смыться. Но Хирацука, похоже, засекала звук моих шагов и пошла рядом со мной.

— Кстати, Хикигая. Насчёт вашего состязания...

Состязания... это она про наше с Юкиноситой соревнование в клубе помощников, чьи методы помогать людям работают лучше. Победитель решит судьбу проигравшего.

Хирацука заколебалась, хотя сама подняла эту тему.

Я взглядом предложил ей продолжить.

И учительница изрекла новое своё решение.

— Слишком сильно влияют посторонние факторы. Нынешняя схема не в состоянии это компенсировать. Поэтому я предлагаю изменить одну деталь.

Оправдания того же типа, что любят использовать производители игр. Если отбросить словесную шелуху, похоже, её мозги не справляются и грозят зависнуть.

— Да мне как-то без разницы... — Пробормотал я.

Что бы я ни делал, правила состязания устанавливает Хирацука. И если ей вдруг взбредёт в голову их поменять, она сделает это, что бы я ни сказал. Всё равно победу или поражение определяет она лично по своему собственному пристрастному суждению.

Сопrotивление бесполезно.

— На самом деле всё уже решено, разве нет?

— Нет... Хирацука поскребла затылок. — Есть ещё один человек, с которым непросто.

С которым непросто. Мне на ум сразу пришла Юигахама. Только она вступила в клуб после начала его деятельности — он предназначался только для нас с Юкиноситой.

Можно назвать это незаконным существованием. И «внешний фактор» тоже подходит. Не будучи частью изначального плана, она пробралась в самое сердце клуба помощников.

В таком случае, пожалуй, в состязании участвуют трое — я, Юкиносита и теперь ещё Юигахама.

— Хмф, похоже, это конец сюжетной линии Меча Меча Road. — (Блин, что ещё за Меча Меча Road такое?) — Если решите создать новый клуб помощников, не считите за труд меня известить. Не бойтесь, ничего плохого я не сделаю. — Хирацука сказала это с улыбкой, но прозвучало оно как обещание злодея...

И затем она вернулась к оригинальной Меча Меча Road. Я видел, как она, удаляясь, поворачивает к выходу.

Мы слишком долго разговаривали. Ни Хаямы, ни остальных уже не было. Самым громким звуком, который я слышал, был шелест летнего ветерка в пустынной бамбуковой чаще. Солнце катилось к закату, цвет неба уже начал меняться. Я посмотрел в сторону далёкого выхода.

И увидел знакомый подпрыгивающий шарик причёски. Сам того не желая, я нашёл её.

× × ×

Девушка сидела на парашюте, обняв колени и играясь с мобильником. Пока я раздумывал, позвать её или нет, она сама меня заметила.

— Хикки, ты опоздал! Все уже ушли, знаешь ли!

— А, да. Виноват, автопилот заглянул... так куда все пошли?

— Сайзе.

Старшеклассники Чибы действительно любят Сайзе. Известнейший семейный ресторан Чибы, существующий с незапамятных времён... нет, это уже перебор. Хотя кормят там недорого и вкусно.

— А ты чего не пошла? — Спросил я прямо в лоб.

— А? — Юигахама поморгала. — Ну, понимаешь, я решила тебя подождать. Потому что... я неловко себя чувствую, когда ты отстаёшь, знаешь ли.

Крутя пальцами, она нерешительно посмотрела на меня. Увидев её такой, я улыбнулся, сам того не сознавая.

— Юигахама, ты такая славная.

— А?! Ч-что?! Э-это совсем не так! — Она отчаянно замахала руками. Всё лицо её было красным, наверно, от заходящего солнца.

Не понимаю, почему Юигахама это отрицает, но она действительно славная. Она хороший человек. Вот почему я должен сказать ей прямо.

— Знаешь, не стоит так заботиться обо мне. Я чисто случайно спас твою собаку. И в любом случае остался бы одиночкой, даже без этой аварии. Не стоит так переживать. Это я и сам себе всегда говорил.

На самом деле я так никогда не говорил, но я достаточно хорошо себя знаю, чтобы понимать, что это правда. У меня, наверно — нет, наверняка — не было бы друзей, даже если бы я добрался до школы нормально.

— Т-ты вспомнил, Хикки? — Юигахама смотрела на меня широко раскрывшимися глазами.

— Нет, не вспомнил, честно говоря. Просто ты как-то приходила к нам домой благодарить. Комачи мне об этом рассказала.

— Да, верно... Комачи рассказала... — Она хмыкнула и слабо улыбнулась. И чуть опустила голову.

— Извини, похоже, ты так стараешься из-за меня. Не надо больше так за меня переживать. Я всегда был одиночкой, и авария тут совершенно не при чём. Не надо чувствовать себя виноватой или обязанной. — Я немного помолчал. — Если ты добра ко мне из-за беспокойства за мои чувства, перестань.

В этот момент я остро ощутил, насколько был груб. Я практически швырнул в неё эти слова. Не понимаю, почему. Не было же ничего, чтобы так злиться.

Я почесал голову, стараясь скрыть раздражение. Это было отчаянное хватание за соломинку. Снова наступила тишина, от которой мне было не по себе.

Впервые тишина оказалась для меня невыносима.

— Ну, это, ум-м...

Мы пытались найти слова, которые должны были произнести, но тщетно. Наши слова клацнули друг о друга, и Юигахама засмеялась фальшиво бодрым смехом.

— Ну, понимаешь, как бы это сказать... Это на самом деле не так. Понимаешь? — Она опустила взгляд, лицо её исказилось болью. — Я имею в виду, на самом деле это не так...

Я больше не видел выражения её лица, потому что Юигахама опустила голову. Продолжая бормотать слабым, дрожащим голосом.

— Это не... не так... совсем не так...

Юигахама всегда была славной девочкой и, наверно, будет такой всю жизнь. Если реальность — жестокая госпожа, то ложь — добрая.

А значит, доброта — это ложь.

— Ум-м, ну, понимаешь... — Начала Юигахама.

Она вскинула голову и посмотрела на меня. Её глаза затуманились слезами, но она твёрдо смотрела на меня, не отводя взгляд. Первым отвлёк глаза я.

— ...ты дурак.

А затем развернулась и бросилась бежать. Но через пару метров вдруг замедлилась и поплелась, словно под тяжкой ношей.

Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду. А потом резко развернулся.

Должно быть, она отправится в Сайзе, где её ждут остальные. Но ко мне это не имеет никакого отношения.

Ненавижу быть среди людей.

И ненавижу славных девочек.

Они всегда рядом, куда бы ты ни пошёл, но они всегда недосягаемы, словно луна в ночном небе. И эта дистанция до них непреодолима.

Они просто поздороваются с тобой, а ты весь день не можешь перестать думать об этом. Пишешь им, и твоё сердце трепещет. Позвонят тебе, и тупо пялишься на список звонков весь день.

Но я знаю, что это такое. Это доброта. Я почти всегда забываю, что тот, кто добр к тебе, добр и к остальным. Это не значит, что я не чувствую доброту. Чувствую. Ещё как чувствую. И потому она вызывает аллергическую реакцию.

Однажды я уже прошёл через это. Опытный одиночка, обжѣгшись на молоке, всегда дует на воду. Признание в любви как наказание за проигрыш в «камень-ножницы-бумага», фальшивые любовные письма, написанные пацанами под диктовку девчонок — не хочу иметь с этим ничего общего. Я ветеран войны. Никто не умеет проигрывать лучше, чем я.

Всегда ждать и всегда ошибаться — меня больше никогда не обманут ложные надежды.

И я всегда буду ненавидеть славных девочек.

<http://tl.rulate.ru/book/71927/3523174>